

С.Г. Максимова*

Социально-ценностные аспекты восприятия старости

Социальные проблемы старения возникли вместе с развитием общества. Они выражались в том, какую позицию общество занимало по отношению к стареющим и старым людям и какое фактическое место занимали старые люди среди других возрастных групп, какие функции в обществе они выполняли.

Пожилой возраст – значимый этап онтогенетического развития, без обстоятельного исследования которого невозможно построение сколько-нибудь законченной концепции психического развития. Период пожилого возраста рассматривается К.А. Абульхановой-Славской [1, 2], Б.Г. Ананьевым [3], Л.И. Анцыферовой [4, 5], Л.В. Бороздиной, О.Н. Молчановой [6] как один из феноменов жизненного пути личности, который характеризуется богатством накопленного в прошлом опыта и имеет ряд качественно новых, не встречаемых в ранних периодах развития, свойств и признаков.

Старость – это переход в систему новых социальных ролей, а значит, и в новую систему групповых и межличностных отношений. Современный мир не способствует социальной интеграции престарелых. Возникает парадоксальная ситуация, когда медицина преследует цель продления жизни, а сфера ценностей, включающих новый опыт человечества, не гарантирует пожилым чувства социальной полезности.

Ценностный аспект геронтологии обнаруживается, прежде всего, в признании общественной значимости длительной жизни. Сами по себе жизнь, здоровье и долголетие, сохранение человеческой индивидуальности представляют собой группу ценностей человеческого общества. Можно выделить ряд моментов, выявляющих гуманистический смысл геронтологического знания:

- социальная ценность самого по себе объекта изучения. Прямая нацеленность на оптимизацию хода онтогенетического развития;
- ценность жизни человека в субъективном плане.

Гуманистическая направленность геронтологии выражается в поиске и разработке путей для преодоления и нейтрализации дисгармоний, которые возникают между биологическими и социальными сторонами человеческой приро-

ды, между желаниями и возможностями старого человека [7].

Б.Г. Ананьев [3] говорил о том, что стареющего человека следует изучать как индивида с определенным набором психофизических свойств, как личность с присущими ей социальными ролями, ценностными ориентациями, статусом и, наконец, как индивидуальность, неповторимость. С.А. Рубинштейн [8] в качестве единицы анализа жизненного пути личности выделяет жизненное отношение личности: к предметному миру, к другим людям, к самому себе. Данные группы отношений формируются на протяжении всей жизни человека и определяют смысл и жизненную стратегию личности. Присущая старческому возрасту негибкость жизненных позиций, проявляющаяся в стремлении сохранить свои взгляды на жизнь, привычки, круг общения неизменными, выражается в нежелании перемен, нежелании что-то изменить в жизни.

Центральное место в социальной психологии старения занимает проблема личности старого человека. Данный аспект достаточно хорошо отражает теория разобществления. Ее авторы Дж. Розен, Б. Ньюгартен и Е. Камминг, В. Генри [9]. Эта теория предполагает «разрыв между личностью и обществом, уменьшение энергии личности и ухудшение качества оставшихся связей». Разобществление, по мнению В. Генри, представляет собой психосоциальное явление, объясняющееся как природными изменениями психологии стареющей личности, так и воздействием на нее социальной среды. Наиболее отчетливо этот процесс проявляется у людей в пенсионном и предпенсионном возрасте. Утрата прежних социальных ролей в совокупности с ухудшением состояния здоровья и спадом умственной деятельности ведет к нарушению сложившегося динамического стереотипа личности, к изменению мировоззрения и поведения. Явление разобществления выражается в изменении мотивации, сужении круга интересов и сосредоточении их на своем внутреннем мире, на своем состоянии здоровья, в спаде коммуникабельности и т.д.

Т.Д. Марциновская в своей работе [10] раскрывает изменения психологических механизмов в пожилом возрасте. Такие механизмы, как

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Маккартуров (2000 г.)

идентификация с окружающими и эмоциональное опосредование, в этом возрасте уже почти не имеют прежнего значения. Новые знания формируются с большим трудом, их тяжело наполнить эмоциональными переживаниями, чтобы сформировались новые мотивы. Поэтому у людей пожилого возраста плохо формируются новые ролевые отношения, они трудно привыкают к новым ценностям и новым представлениям о себе и других. Этим и объясняется то, что все происходящее в мире, как правило, сопоставляется со старым опытом и ассимилируется в его рамках. При этом любое изменение вызывает негативную реакцию, а потому и новое воспринимается как чужое. Уменьшается и значение идентификации, так как группа общения уже создана, и в этом возрасте уже почти не пересматривается. Это связано не только с приверженностью к старому опыту, о чем говорилось выше, но и с объективными ограничениями – оставшегося времени жизни, сил, энергии, круга общения, который сформирован и у сверстников. Поэтому так сложна адаптация к новой социальной среде в этом возрасте. В то же время на первый план выходит механизм компенсации, прежде всего, компенсации своих потерь – сил, здоровья, статуса, социальных ролей. Необходимо, чтобы пожилой человек не уходил в мнимую компенсацию, преувеличивая свои болезни и немощи, его нужно вовлекать в новые виды деятельности, так как с их помощью развивается нормальная компенсация. В то же время ригидность, трудности переключения в этом возрасте препятствуют развитию нормальной компенсации. Препятствием является и сужение круга общения. Как правило, именно это является одной из самых распространенных причин тех отклонений, которые возникают в этом возрасте и приводят к включению других, более негативных механизмов психической жизни, прежде всего, ухода, отчуждения и агрессии. Так, появляется нежелание новых контактов, даже боязнь их, стремление отгородиться от всех, в том числе и от близких людей, эмоциональная холодность, а порой и враждебность к ним. Такой уход от общения часто сочетается с постоянными упреками в адрес других, обидчивостью, конфликтностью, желанием настоять на своем. Э.А. Куруленко [11] в своем исследовании отмечает, что наиболее яркой иллюстрацией неспособности некоторых пожилых людей решать жизненные противоречия являются два феномена: уход и возложение обязанностей. Уход – это симптом того, что личность хочет избежать трудностей. Феномен воз-

ложения ответственности проявляется в самых разнообразных формах, в которых занижается роль «Я».

Теория разобщения показывает то, что когда человек стареет, общество, семья не предъявляют к нему никаких требований, отвергают его, тем самым лишают определенной роли, меняют его статус. Человек, лишенный прежнего статуса, теряет активность, процесс старения ускоряется. Это отвержение старых людей является одним из источников разобщения. Вторым источником является сам человек, который теряет коммуникабельность. Потеряв старые общественные связи, например, родственные, дружественные и другие, он уже не в силах завязать новые. И третьим главным источником является уход от дел, выход на пенсию. Теряя привычные деловые коммуникации, человек становится некоммуникабельным. Прежние семейные и деловые связи становятся искусственными и постепенно прерываются. Количество поступающей к человеку информации уменьшается, круг его интересов сужается, падает и активность, в связи с чем и ускоряется процесс старения.

Многие авторы [12–15] отмечают, что старение, старость и сложные в этом периоде жизни человека биологические, психологические и социальные преобразования создают специфические условия, нарушающие его приспособительные механизмы и реакции. Создающаяся психологическая и социальная ситуация формирует психогении, которые и являются тем основным стержнем, вокруг которого и возникают невротические расстройства. Ведущая роль принадлежит нарушениям социально-приспособительных реакций вследствие значительных нарушений жизненного стереотипа, перенапряжения эмоций и эмоционального дискомфорта, ослабления контроля над своим поведением и изменений контактов с социальной средой. Под влиянием психологической переработки своей новой ролевой позиции начинает гиперболизироваться осознание старости, болезни и одиночества, которые она влечет за собой. Естественным итогом является преобладание депрессий. Психогении позднего возраста отличаются стойкостью, инертностью и постоянной тенденцией к «переоценке ценностей» настоящего, парадоксальной оценкой прошлого и пессимистической направленностью в будущее. Из-за вязкости и застревания эмоций реакция на любую психогению существенно не изменяется даже после того, как она уже «дезактуализировалась». Создается благоприятная почва для стрессовых влияний самых

незначительных психотравмирующих факторов. Среди психогений позднего возраста можно выделить:

- влияния, обусловленные изменениями условий микросоциальной среды и переменами в социальной жизни;
- психогении, вытекающие из социально-психологической перестройки жизненных позиций (самооценка, уровень притязаний, ценностные ориентации личности);
- переживание «возраста потерь»: увядание и грядущая слабость, одиночество, неизбежность болезней;
- оживление и актуализация пережитых в прошлом конфликтных ситуаций.

В. Альперович [16] пишет в своей книге о том, что изменения в характере пожилого человека объясняются ослаблением контроля над своими реакциями. Те черты, которые ранее удавалось маскировать из-за их непривлекательности, теперь выходят на поверхность. Кроме того, этому возрасту свойственен эгоцентризм, нетерпимость к каждому, кто не проявляет должного внимания, причем оно должно быть на самом высоком уровне.

Исследуя самооценку в позднем возрасте, Л.В. Бороздина и О.Н. Молчанова [6] говорят о том, что люди этого возраста, оценивая себя, ориентируются в континууме «я был – я есть». Индекс самопринятия в старости снижается по сравнению с предшествующими периодами жизни. Наблюдается стремление сохранить позитивный образ «Я», меняющийся в силу различных объективных обстоятельств. Пожилые люди больше обращаются к позитивному в прошлом, чем к противоположному в настоящем. Это свидетельствует о присутствии элемента компенсации, защиты.

Основными стрессорами людей пожилого и старческого возраста можно считать отсутствие четкого жизненного ритма; сужение сферы общения; уход от активной трудовой деятельности; синдром «опустошения гнезда»; уход человека в себя; ощущение дискомфорта от замкнутого пространства и многие другие жизненные события и ситуации. Наиболее сильным стрессором является одиночество в старости. Понятие это далеко не однозначное. Термин «одиночество» имеет социальный смысл, однако более существенными в старости оказываются психологические аспекты, отражающие осознание одиночества как непонимания и безразличия со стороны окружающих. Сложность чувства одиночества выражается в том, что старый человек, с одной стороны, ощущает увеличивающийся разрыв с окружающими, боится оди-

нокного образа жизни; с другой стороны, он стремится отгородиться от окружающих, защитить свой мир и стабильность в нем от постоянного вмешательства.

Практикующие геронтологи постоянно сталкиваются с фактами, когда жалобы на одиночество исходят от старых людей, живущих вместе с родственниками или детьми, гораздо чаще, чем от стариков, живущих отдельно. Одна из серьезных причин нарушения связей с окружающим кроется в нарушении связи стариков с молодыми людьми. Нередки явление геронтофобии, враждебные чувства по отношению к старым людям.

Кроме внешних факторов, оказывающих негативное влияние на психологическое состояние, настроение пожилых людей, внутренняя логика психического развития также не всегда способствуют позитивному отношению к жизни.

Рассматривая особенности психологического кризиса пожилого возраста, необходимо, прежде всего, отметить, что, несмотря на многочисленные интерпретации его сути [17], практически все ученые (Э. Эриксон [16], Б.Г. Ананьев [3] и др.) сходятся во мнении о том, что он связан с оценкой ценностей и смысла прожитой жизни. Наличие смысла жизни является критерием развития личности в любом возрасте. В старости данный аспект существования особенно значим. По данным исследования Э.А. Куруленко [11], пожилые люди, сохранившие смысл жизни, отличаются особой жизнестойкостью и не подвержены быстрому старению. В этом возрасте происходит осмысление, подведение итогов прожитой жизни и, в определенной степени, попытка в оставшееся время что-то изменить или компенсировать.

В пожилом возрасте меняется и акцент потребностей. К. Рошак [18] выделяет три группы потребностей. «Ведущая группа» включает в себя потребность в избегании страдания, в спасении, потребность в постоянстве. Последняя выражается в привязанности человека к определенным людям, предметам, в стереотипности, стремлении избегать новых и неожиданных контактов и ситуаций. К «средней группе» следует отнести, прежде всего, потребность в автономии, выступающую в идее собственной независимости, свободы, стремлении идти по жизни своим путем, сопротивляться принуждению. Сюда же относят проявления упрямства, неприятия чужого мнения, подозрительность, часто необоснованную, сложившиеся стереотипные оценки и убеждения превалируют в восприятии, видении мира. Далее следует

потребность в защите своего «Я» от постоянного вмешательства, в нежелании раскрываться, стремление сохранить в неприкосновенности свой внутренний мир.

Психическое старение многообразно, диапазон его проявлений весьма широк.

Ф. Гизе [19] выделяет три типа стариков и старости:

1) старик-негативист, отрицающий у себя какие-либо признаки старости;

2) старик экстравертированный, признающий наступление старости через внешние влияния и путем наблюдений за изменениями;

3) интровертированный тип, для которого характерно острое переживание процесса старения. Человек не проявляет интереса к новому, погружается в воспоминания о прошлом, малоподвижен, стремится к покою и т.п.

Бромлей [20] выделил пять типов приспособления к старости:

- *конструктивная установка*, когда человек внутренне уравновешен, спокоен, удовлетворен эмоциональными контактами с окружающими, критичен в отношении к самому себе и полон терпимости в отношении других, он принимает старость как факт, оптимистически относится к жизни, с доверием рассчитывает на помощь окружающих;

- *установка зависимости*, которая присуща индивидам, проявляющим пассивность и склонным к зависимости от других, люди этой категории не имеют жизненных стремлений;

- *защитная установка*, которая характеризует людей самодостаточных, чопорных, они не любят говорить о своих проблемах, внешняя сторона жизни значит для них больше, чем внутренняя;

- *установка враждебности*, свойственная агрессивным, мнительным, вспыльчивым людям, которые предъявляют массу претензий к своему окружению, социальным институтам, обществу в целом;

- *установка враждебности*, направленная на самого себя, когда человек избегает воспоминаний о прошлых неудачах и трудностях, пассивно воспринимает удары судьбы, склонен к депрессиям и жалости к себе, а смерть рассматривает как освобождение от страданий.

Установки человека по отношению к старению и смерти обусловлены многими обстоятельствами – состоянием здоровья, уровнем жизни, степенью удовлетворения потребностей и т.д.

Ранее рассмотренный психологический аспект старения тесно взаимосвязан с другим не менее важным аспектом – социальным. «Не

надо быть большим специалистом-психологом, чтобы отдавать себе ясный отчет, что значительная часть неприятностей, отравляющих существование пожилых людей, не имеет ничего общего с физиологией, а связана с психологическими и социальными моментами», – пишет Ф. Бурльер [21].

Т.Д. Марциновская в своем исследовании [10] рассматривает особенности психического развития человека в пожилом возрасте. Оно происходит под влиянием нескольких факторов, которые, хотя и относятся к разным категориям психологической науки, тем не менее тесно взаимосвязаны в своем влиянии на каждый период жизни человека. Речь идет, в первую очередь, о механизмах и движущих силах психического развития, его нормативности, а также о социально-психологических параметрах, связанных с изменением социальных ролей и адаптации к ним. Индивидуальные психологические параметры пожилых людей отличаются высокой вариативностью в доминировании социального и биологического параметров. Для одной группы пожилых людей их болезни, питание, уход за ними, условия проживания и экологическая обстановка имеют первостепенное значение, и именно этими факторами определяется их внутреннее состояние, мнение о себе и окружающих. Для другой группы пожилых эти факторы, при всей их важности, не являются доминирующими, их самочувствие, главным образом, зависит от социального статуса, востребованности, творческой активности.

Все крупные социальные геронтологи – Л. Бине [22], Ф. Бурльер [21–22], И.В. Давыдовский [23] – подчеркивают социальную детерминированность старения человека. И.В. Давыдовский отметил, что стареет не только организм, стареет личность и в процессе жизни формируется индивидуальный тип старика.

К одной из проблем старения относится проблема социальной адаптации, под которой понимается то, как старые люди, получившие новые качества в силу своего возраста, приспособляются к обществу, социальному окружению и как общество приспособляет старых людей к себе. Некоторые авторы [10–11, 24] называют старость «возрастом плохой адаптации», которая имеет место вследствие различных соматических и психических изменений личности, а также в связи с переменами в семейной жизни и окружающей социальной среде. Поэтому вопрос о социальной защите и социальном обеспечении престарелых и пенсионеров является основным вопросом прикладной геронтологии.

По мнению У.Г. Шавковой [24], люди, как правило, становятся старыми в социальном плане, когда они не просто сталкиваются с событиями, резко нарушающими привычную жизнь, а поддаются им. При анализе различных источников [25], посвященных проблемам старости и отношения к ней как со стороны общества, так и со стороны самих пожилых

людей, очень часто можно столкнуться с проблемой взаимозависимости и противостояния социального и индивидуального в человеке.

Эпоха сменяет эпоху, традиции передаются из поколения в поколение, и образ старости может и должен быть окружен ореолом почитания и уважения.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Психология и жизненные потери // Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.
4. Анцыферова Л.И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы // Психологический журнал. 1994. Т. 15. №3.
5. Анцыферова Л.И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. №6.
6. Бороздина Л.В., Молчанова О.Н. Особенности самооценки в позднем возрасте // Вестник МГУ. Сер. 14. 1988. №1.
7. Карсаевская Т.В., Шаталов А.Т. Философские аспекты геронтологии. М., 1978.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
9. Александрова Н.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л., 1974.
10. Марциновская Т.Д. Особенности психического развития в позднем возрасте // Психология зрелости и старения. 1999.
11. Куруленко Э.А. Старость как этап жизненного пути личности // Первый Российский съезд геронтологов и гериатров: Сб. ст. и тез. Самара, 1999.
12. Зинченко В.П., Моргунев Е.Б. Человек развивающийся: очерки российской психологии. М., 1994.
13. Максимова С.Г. Социально-психологические особенности личности позднего возраста. Барнаул, 1998.
14. Рохальский Ю.Э. Депрессии позднего возраста: социально-психологический подход // Депрессии позднего возраста. М., 1983.
15. Телешевская М.Э. Психогении позднего возраста и невротические депрессии // Депрессии позднего возраста. М., 1983.
16. Альперович В. Социальная геронтология. М., 1997.
17. Ливехуд Б. Кризисы жизни – шансы жизни. Развитие человека между детством и старостью. Калуга, 1994.
18. Рошак К. Психологические особенности личности в пожилом возрасте: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1990.
19. Гамезо М.В., Герасимова В.С., Горелова Г.Г., Орлова Л.М. Возрастная психология: личность от молодости до старости. М., 1999.
20. Социальная геронтология: современные исследования. М., 1994.
21. Бурльер Ф. Старение и старость. М., 1962.
22. Основы геронтологии / Под ред. Л. Бине и Ф. Бурльера. М., 1960.
23. Давыдовский И.В. Геронтология. М., 1966.
24. Шавкова У.Г. Человек в выборе стратегии старения // Психология зрелости и старения. 1999.
25. Ергаева О.В. Использование в социальной работе методов оценки поведенческих установок пожилых // Первый Российский съезд геронтологов и гериатров: Сб. ст. и тез. Самара, 1999.